Пропонований збірник містить наукові праці українських, російських та болгарських дослідників, в яких відображені актуальні проблеми салтово- та хозарознавства, вводяться до наукового обігу нові дані доби раннього середньовіччя Південно-Східної Європи. Також порушуються актуальні для сьогодення питання збереження археологічної спадщини.

Обласний комунальний заклад
«Харківський науково-методичний
центр охорони культурної спадщини»

ISBN 978-966-2562-34-7

Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження • Збірник наукових праць • Випуск 3

САЛТОВО-МАЯЦЬКА АРХЕОЛОГІЧНА КУЛЬТУРА:

проблеми та дослідження

Збірник наукових праць • Випуск 3

УДК 904(477.54./62)„653”
ББК 63.444(4УКР5)
С16

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

головний редактор: провідний науковий співробітник відділу пам’яток археології ***Г. Є. Свистун***

члени колегії: д.і.н. ***О. О. Тортіка***,
к.і.н. ***В. В. Колода***,
к.і.н. ***В. С. Аксьонов***

С16 **Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження** : збірник наукових праць, присвячений актуальним проблемам салтово- та хозарознавства / упоряд. Г. Є. Свистун. — Х. : Видавець Савчук О. О. ; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2013. — 208 с. ; 68 с. іл. — Випуск 3.
ISBN 978-966-2562-34-7

Пропонований збірник містить наукові праці українських, російських та болгарських дослідників, в яких відображені актуальні проблеми салтово- та хозарознавства, вводяться до наукового обігу нові дані доби раннього середньовіччя Південно-Східної Європи. Також порушуються актуальні для сьогодення питання збереження археологічної спадщини.

УДК 904(477.54./62)„653”
ББК 63.444(4УКР5)

На першій та четвертій сторінках обкладинки:
артефакти з Кочетокського та Нетайлівського могильнигів, а також з Мохначанського городища. Дослідження та фото Г. Є. Свистуна, В. І. Квітковського, В. С. Аксьонова, В. В. Колоди

Видавець: ФО-П Савчук Олександр Олегович
61093, м. Харків, вул. Соціалістична, буд. 21, оф. 6.
Тел.: 095.462.18.10
www.savchook.com • e-mail: savchooks@mail.ru
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців, виготівників та розповсюджувачів видавничої продукції ДК № 3897 від 14.10.2010 року

Формат 60x84/$_{8}$. Папір офсетний та крейдований.
Друк ризографічний та цифровий.
Гарнітура Palatino Linotype. Підписано до друку 16.01.2013 р.
Умовн. друк. арк. 24,2. Наклад 500 прим.

Надруковано з готового оригінал-макету
в друкарні ФО-П Петров В. В.
Єдиний Державний реєстр юридичних осіб та фізичних осіб-підприємців.
Запис № 24800000000106167 від 08.01.2009.
61144, м. Харків, вул. Гв. Широнінців, 79в, к. 137;
тел. (057) 778-60-34; e-mail:bookfabrik@rambler.ru

Наукове видання
(*в авторській редакції*)
Технічний редактор О. О. Савчук
Відповідальний за випуск Г. Є. Свистун
Дизайн обкладинки С. В. Місяк

ISBN 978-966-2562-34-7

© ОКЗ «ХНМЦОКС», 2013
© Видавець Савчук О. О., макет, 2013

▫ ***Свистун Г. Е.*** *(Харьков)*

КАБАНОВО (СТАРОПОКРОВСКОЕ) ГОРОДИЩЕ

Анотація. *В статті проводиться аналіз фортифікаційної архітектури Кабанова городища та вводяться до наукового обігу матеріали дослідження виробничого чорно-металургійного комплексу. В цілому підводиться підсумок щодо результатів наукового вивчення пам'ятки за минулі роки до сьогодення та висловлюються версії щодо військово-стратегічної ролі ранньосередньовічної фортеці.*

Ключові слова: *Кабанове городище, фортифікація, виробничий комплекс, криця.*

Abstract. *The article analyzes the fortification architecture Kabanovo settlement and entered into scientific research materials manufacturing ferrous metallurgy industry. In general, sums up on the results of the scientific study of the monument over the years, and speak about the military version of the strategic role of the early medieval fortress.*

Key words: *Kabanov fort, fortification, industrial complex, bloom.*

◆ ◆ ◆

Лесостепные городища салтово-маяцкой археологической культуры исследованы далеко не равномерно. В частности, относительно мало уделено внимания Кабанову (Кабакову, Старопокровскому) городищу, находящемуся в двух километрах от устья р. Уды – правого притока Северского Донца (*Илл.* 1; 4).

Сведения о городище и история его исследований. Наиболее ранние сведения о данном городище содержатся в Книге Большому Чертежу (КБЧ) 1627 г., которые довольно четко фиксируют его месторасположение:

«…на усть Уд Кабаново городище по левой стороне, от устья версты з 2.

…А ниже Кабакова городища, с крымской стороны, вниз по Донцу Мухначово городище, от Кабакова верст с 5» [1, с. 71].

Как видно из текста XVII в., положение городища на месте локализовано достаточно четко, что дает возможность уверенно нанести данный памятник на современную археологическую карту. Также это позволяет соотнести его месторасположение на старинных планах и картах (*Илл.* 7), отражающих местность до интенсивных антропогенных изменений, которым подвергается рассматриваемая территория, начиная с 20-х гг. XX века.

И. И. Ляпушкин, проводивший широкие разведки на данных территориях, в 1948 г. зафиксировал на указанном в КБЧ месте, носившем название урочище Городище, средневековые культурные отложения в виде обломков керамики и камней. Исследователь предположил, что данное поселение было обнесено каменной стеной, которая была, как и на ряде других городищ, разобрана [2, с. 214].

Данный памятник в ходе проводившихся разведок осматривался в 1950 г. Б. А. Рыбаковым. Он отмечал на распаханной ровной площадке полосу щебня, которая ограничивала прямоугольное пространство с примерными размерами сторон 200×100 м [3, с. 32]. Экспедицией Б. А. Рыбакова был снят глазомерный план городища, на котором исследователь отметил линии укреплений [4, с. 10].

В 1957 г. Кабаново городище осмотрела С. А. Плетнева. Исследователь также отметила россыпи щебенки в виде двух полос и плохую сохранность фортификаций памятника в целом. Зафиксированные Б. А. Рыбаковым рвы и валы с напольной стороны на момент обследования С. А. Плетневой были уже почти незаметны вследствие активного сельскохозяйственного использования территории укрепления. Внутренняя площадка городища – цитадель с фортификациями, при строительстве которых был использован камень – по данным С. А. Плетневой составляла 250×100 м [4, с. 10]. В своей работе «От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура)» исследователь приводит несколько иные размеры цитадели городища – 200×120 м [5, с. 33] (*Илл.* 6). С. А. Плетнева отнесла Кабаново городище, как и Верхнесалтовское, к первому типу предложенной ею типологии салтово-маяцких городищ, характеризующихся наличием каменных укреплений [5, с. 32].

На Кабановом городище в 1959 г. также проводил разведки Б. А. Шрамко. Исследова-

тель снял план памятника, но, к сожалению, последний в отчет не вошел и на сегодняшний день не находится в научном обороте [6, с. 10, табл. IV, 29].

Автор данной работы в 2004 г. осуществил инструментальную съемку плана городища [7, с. 10, рис. 7] (Илл. 5), согласно которой каменная цитадель на данном памятнике представляет собой трапецию. Углы цитадели закруглены и не имеют признаков наличия на них башен. Восточная сторона укрепления и часть южной, к сожалению, не сохранились вследствие постройки на этом месте газораспределительной станции. Поэтому полностью фиксируется длина лишь западной (узкой) стороны фортификации и северной (длинной), которая прослеживается почти вплотную до оврага с восточной стороны городища. У эрозирующего оврага следы оборонительной линии теряются под мощными современными мусорными отложениями. По внешнему абрису россыпи камней длина западной стороны составляет 93 м, а северная прослежена на расстоянии, равном 194 м. По нашим расчетам, исходя из векторов направленности северной и южной линий обороны цитадели, восточная сторона укрепления по внешнему абрису должна была составлять около 100 м в длину.

С целью выяснения характера культурного слоя на территории внутреннего дворища цитадели была проведена шурфовка, результаты которой показали отсутствие сплошного культурного слоя, а почва на территории памятника носит следы значительного антропогенного воздействия новейшего времени [7, с. 11, рис. 7, 10, *1*].

Г. Е. Афанасьев, анализируя лесостепные салтово-маяцкие городища, счел недостаточными накопленные данные относительно Кабанова городища для отнесения его к кругу салтово-маяцких древностей. В итоге данная фортификация не была включена исследователем в перечень лесостепных памятников салтово-маяцкой культуры [8, с. 89]. В результате Кабаново городище не использовалось при анализе типов существовавших лесостепных крепостей [8, с. 89–142; 9, с. 123, 124, 129–141], а также топологического анализа степени доступности лесостепных салтово-маяцких городищ с целью реконструкции сети путей сообщения рассматриваемого периода [9, с. 124–129].

Использование территории городища. Территория городища с XVIII–XIX вв. используется в хозяйственных целях слобожанским населением. В частности, согласно проведенного в 1782 г. межевания, Кабанова поляна[1] «… отдана в вечное потомственное владение деревни Лаптевой жителям казакам Ивану Черневу, Казме и Гавриле Агарковым с товарищи, которая состоит в общем владении прапорщиков Ильи Савина сына Мясоедова, Петра Ефимова сына Пасмурова, и той деревни однодворцов и казенных войсковых обывателей, что ныне казаки во оной деревне, гвардии сержант Федор Петров сын Гуслев, утверждает следующую по крепостям часть земли, а владения не имеет…» [10, с. 81, 82].

Интенсивное хозяйственное использование, приведшее к значительным разрушениям Кабанова городища, начинается с момента возведения в непосредственной близости от памятника электростанции и связанного с ней поселка Эсхар в 20-х гг. XX в.

После Второй мировой войны территория городища интенсивно распахивалась. С южной стороны памятника были возведены теплицы, битое стекло из которых вывозилось на восточную окраину памятника и ссыпалось на край оврага, служившего некогда фортификационным рвом. С западной стороны городища – в овраг Суходол – был выведен слив канализации и устроены очисти-

1) В этой связи вызывает интерес вопрос, касающийся различных разночтений в названии городища, которое в итоге приводит к высказанной С. А. Плетневой версии относительно исключительного положения данного памятника [3, с. 33]. Исходя из того, что в КБЧ встречаются различные написания – Кабаново и Кабаково (можно также встретить в старинных письменных источниках название «Баново» с очевидной потерей первого слога в топониме) – исследователь сделала предположение, что изначально городище называлось Кагановым, а замена буквы «г» на буквы «б» и «к» произошли позднее, исказив истинное название городища и скрывшие его, определенный самим названием, статус как одной из наиболее репрезентативных хазарских крепостей. Но документ, касающийся проведенного в 1782 г. межевания, свидетельствует о том, что данная местность (именно местность, а не собственно городище) и значительно позже составления КБЧ продолжала называться Кабановой поляной. Это указывает, скорее всего, на преобладающий там в определенный период вид фауны и не более того. Разночтения же в тексте одного и того же документа – КБЧ – следует, вероятнее всего, считать описками переписчиков.

тельные сооружения, заброшенные на сегодняшний день. К тому же, в северо-восточной части городища была построена упоминавшаяся выше газораспределительная станция, к которой были подведены газопроводы. К настоящему времени через территорию памятника продолжают прокладываться газовые трубопроводы, а на остальной площади городища располагаются сельскохозяйственные земельные участки жителей пгт Эсхар. Таким образом, памятник не перестает подвергаться интенсивному разрушению. Тем более возрастает важность и неотложная необходимость его археологического изучения.

Раскопки оборонительных сооружений и общая планировка укреплений. В полевом сезоне 2007 г. автором данной работы были проведены первые стационарные археологические исследования Кабанова городища [11, с. 5–9]. Поперечным разрезом общей длиной 45 м была изучена линия обороны памятника с северной стороны, что позволило получить более точные сведения относительно характера памятника и особенностей устроенных на нем фортификаций[2] (*Илл.* 5; 8).

Городище занимает плато высокого правого берега, возвышающееся на 20–25 м над поймой р. Уды, которое имеет уклон – понижение уровня в направлении от напольной стороны к реке. С западной и восточной сторон границами памятника являются глубокие овраги (с западной – овраг Суходол, с восточной – безымянный) (*Илл.* 1; 2; 4; 5). Пойма реки до настоящего времени на широкой площади заливается водой во время весеннего половодья.

Как уже отмечалось выше, исследователи разных лет отмечали россыпь песчаникового камня, ограничивавшую определенный периметр на территории памятника. Разведками, проведенными автором данной работы в 2004 г., было также отмечено наличие эскарпа вдоль стороны, обращенной к реке, который замыкал внешнюю грунтовую линию обороны системы ров-вал, прослеживавшуюся в 50-х гг. XX в. Б. А. Рыбаковым и С. А. Плетневой [7, с. 9–12, 36, 37, рис. 7, 8, 2]. В связи с этим следует отметить, что план Кабанового городища, опубликованный С. А. Плетневой (*Илл.* 6), отражает, по-видимому, территорию не всего памятника, а лишь его части в районе цитадели, возведенной с использованием песчаникового камня[3]. В этом случае исследователь отметила примыкающую к цитадели линию обороны, устроенную по системе ров-вал, которая на данный момент не прослеживается. По всей видимости, в ее юго-западной части был древний проезд в напольную сторону. С западной и южной сторон данная линия обороны практически примыкала к цитадели. С восточной – охватывала более широкий периметр, образуя, таким образом, дворище между цитаделью и опоясывающим ее валом и рвом. К сожалению, на опубликованном С. А. Плетневой плане отсутствуют данные относительно конфигурации восточного сектора укреплений.

Во время исследований городища в 2004 г. в западной части памятника были зафиксированы остатки еще одной грунтовой линии обороны, сооруженной со стороны поля в системе ров-вал, а со стороны поймы реки – эскарп-вал. Таким образом, городище, по всей видимости, имело три рубежа обороны. Внешняя линия, таким образом, является первым рубежом обороны; примыкающая к западной и южной частям цитадели – вторым; непосредственно цитадель – третьим. Помимо упоминавшегося выше дворища с восточной стороны цитадели, городище имело еще одно – между первой и второй линиями обороны. Всего на городище насчитывается три дворища, третьим из которых является внутренне пространство цитадели.

Река Уды, протекающая у подножия мыса, на котором расположено городище, с западной стороны памятника имеет крутой

2) Результаты исследований фортификаций Кабанового городища публиковались ранее в региональном малотиражном издании, в силу чего остаются малоизвестными среди специалистов [12].

3) Ранее считалось, что Кабаново городище имеет две линии обороны. Но, в результате сличения (компьютерного наложения и масштабирования) плана из публикации С. А. Плетневой, опубликованного очень мелко и малоразборчиво [5, с. 26, рис. 7, *5*], с данными, полученными автором, стало возможным установить, что в разное время были выявлены, помимо цитадели, разные линии обороны памятника: вторая (средняя) линия обороны нашла отражение в публикации С. А. Плетневой; первая (внешняя) линия – в публикации Г. Е. Свистуна [12, с. 3, рис. 1]. План с обозначением трасс прохождения обеих, помимо цитадели, линий обороны, приведен в данной работе (*Илл.* 5).

поворот в северо-западном направлении – от высокого правого берега к центру пойменной долины. Подобное русло река имела и в XVIII–XIX вв. (Илл. 7). По всей видимости, аналогичная картина наблюдалась и в раннем средневековье. Именно в этом месте отмечается окончание эскарпа и его переход в ров внешней линии обороны, ограничивающем защищаемую площадь со стороны поля. Общая длина эскарпа составляет ок. 320 м. Ширина горизонтальной площадки данного конструктивного элемента составляет 3–4 м, высота наклонной плоскости (непосредственно эскарпа) – ок. 4 м (Илл. 3). На горизонтальной площадке фиксируется небольшое углубление вдоль продольной оси сооружения, представляющее собой ровик. Несмотря на наблюдающиеся в отдельных местах вдоль трассы прохождения эскарпа промоины, общая его сохранность может быть оценена как вполне удовлетворительная.

Эскарп исследовался на участке осуществленного в 2007 г. поперечного разреза в кв. 1–9/А (Илл. 3; 9). Раскопки подтвердили высказанное ранее автором предположение [13, с. 173] о наличии на горизонтальной площадке рва, а также дали информацию относительно его конструкции. Ровик непосредственно примыкал к наклонной плоскости эскарпа, подрезая уклон и делая его еще более серьезным препятствием. Контрэскарп ровика имеет небольшую высоту – до 0,2 см. Выброс грунта, изымавшегося при сооружении ровика, производился во внешнюю сторону – на край мыса. Таким образом, была выровнена под горизонт площадка эскарпа. Слои выброшенного грунта имели большую плотность, что может свидетельствовать о его трамбовке. Выбросы, расположенные в кв. 1–4/А, состоят из слоев материковой коричневой глины, светлой материковой супе-си и смешанного слоя, состоящего из чернозема и глины. В результате образованного взаиморасположения грунтовых слоев наблюдается так называемая обратная стратиграфия, позволяющая судить об этапах строительства. Данные слои перекрыты намывным грунтовым образованием, состоящим из чернозема и глины. Также в данном слое встречается песчаниковый щебень, видимо, попавший сюда из фортификаций цитадели, при строительстве которых был использован данный камень.

Заполнение рва имеет послойность, характерную для намывных отложений. Изначально контрэскарп был замыт слоем чернозема. Выше данного слоя наблюдается мешаный слой коричневой глины и светлой супеси. Далее следуют линзы отложений глины и чернозема, окончательно замывших ров. Учитывая расположение данного конструктивного элемента, можно сделать предположение, что, помимо военного назначения, он также служил в качестве водоотвода с целью препятствования эрозийным процессам при свободном ниспадании водных потоков с наклонной плоскости эскарпа.

В кв. 9,10/А находится верхняя точка исследованного эскарпа. На расстоянии около метра от точки высотного излома в стратиграфии наблюдается мешаная глиняно-черноземная линза, перекрытая мощным черноземным слоем (кв. 10–13/А) (Илл. 3; 8; 9). Указанная линза достигала мощности по вертикали до 25–30 см и была расположена непосредственно на предматерике. Слой чернозема, перекрывающий линзу, достигает 70 см. Данными грунтовыми отложениями, достигающими высоты 1 м, был устроен небольшой вал, который, как и ровик на горизонтальной площадке эскарпа, мог нести не только военную нагрузку, но и служить дополнительным водоотводом. Не исключено, но и вполне вероятно, что по верху этого вала проходила деревянная надвальная конструкция – бруствер. Она могла представлять собой забор закладной конструкции, так как непосредственно на линии археологического разреза столбовых ямок частокола не выявлено. Можно предположить, что такие столбовые ямки устраивались между заложенными горизонтально плахами или бревнами на расстоянии ок. 4–5 м и поэтому не попали на линию прохождения раскопочной траншеи. Иным объяснением может служить наличие в раннем средневековье на валу легкого плетня, не оставившего значительных следов в грунте.

В кв. 23–26/А при осуществлении поперечного разреза был обнаружен комплекс, уходящий дном в материк (Илл. 8; 11–14). Детальное описание обнаруженного комплекса и анализ полученных в результате исследований данных будет приведен ниже.

Начиная с кв. 30/А и далее в южном направлении, вплоть до внешнего панциря

вала цитадели, поверх слоя чернозема, являвшегося древней дневной поверхностью, наблюдалась задернованная прослойка, состоявшая из песчаникового щебня и относительно небольшого количества обожженной глины, носившей следы предварительной формовки (*Илл.* 8; 10).

В кв. 34/А данная прослойка резко увеличивала свою толщину и в ней уже отмечались крупные рваные песчаниковые камни. Среди них был отмечен образец, сохранивший следы обработки долотом.

В кв. 35,36/А были обнаружены остатки каменной песчаниковой кладки (*Илл.* 10: 1, 3), являвшейся внешним панцирем оборонительного сооружения цитадели. В пределах траншеи наблюдался исключительно рваный камень с размерами сторон до 0,2 м. Кладка была уложена на древнюю дневную поверхность и сохранилась на высоту до 0,4 м. Ширина кладки между внешним и внутренним краями составляла ок. 1,0 м. Кладка была сложена на глинистом растворе, который, судя по физическому состоянию, подвергся обжигу.

Характер внутреннего заполнения вала цитадели несколько отличался по своему составу от подстилающего черноземного слоя. Заполнение включало в себя фракции обожженной глины, мелкий песчаниковый щебень и отдельные более крупные камни, примесь материковой глины, смешанной с черноземом. Следует отметить фиксировавшуюся в стратиграфическом разрезе кв. 39–41/А яму, заглубленную в подстилающий чернозем и доходившую практически до предматерика. Данный элемент глубиной до 0,5 м от древней поверхности и на 0,7 м находящийся в засыпке вала при ширине ок. 2,4 м являлся, скорее всего, местом расположения бруствера оборонительного сооружения.

С южной стороны на расстоянии ок. 1,5 м от края выше рассмотренной ямы фиксировались сгоревшие деревянные колышки, доходившие нижним концом до предматерика (*Илл.* 10: 1, 2). Диаметр колышков колебался в пределах 5–7 см при длине 25–30 см. Друг от друга обугленные деревянные колышки располагались на расстоянии ок. 60 см. Они были размещены с внешней относительно вала стороны от обожженных крупных фрагментов глины, достигавших в ширину 25–30 см и сохранившихся на высоту до 0,5 м от предматерика. Между обожженной глиной и ямой предполагаемого бруствера слой состоял из материковой глины с небольшим включением чернозема. Именно данный слой, граничивший с обугленными колышками, имеет следы обжига в южной своей части. По всей видимости, данный конструктив играл роль поддерживающего внутреннего панциря, служившего одновременно устойчивой площадкой, на которой располагались защитники укрепления – валгангом.

Общая ширина вала, границы которого заключены во внешнем каменном и внутреннем обожженном глиняном панцирях, составляет 7,4 м.

В итоге полученные данные позволяют составить картину вероятного вида фортификационных сооружений Кабанова городища на северном участке. Она представляла собой эшелонированную систему, состоящую из трех линий обороны. Необходимо заметить, что в целом планировка укреплений, строительные приемы и архитектура Кабанова городища во многом сходны с Верхесалтовским [14] – между первой и второй линиями было образовано дворище; вторая и третья линии, представляя с двух сторон сплошную оборонительную структуру, когда линии валов и рвов размещены вплотную друг к другу, с третьей стороныцитадели образуют еще одно дворище; непосредственно цитадель с закругленными углами, выходящая одной из длинных сторон к пойме реки. Характер примененного строительного материала в отдельных конструктивах обоих памятников также имеет много общих черт.

Внешняя линия, вытянувшаяся вдоль обрыва мыса, выходящего к реке, позволяла контролировать реку на протяжении как минимум трети километра. Сама по себе внешняя линия обороны состояла из эскарпа, повторявшего природные абрисы мыса и максимально использовавшего его топографические особенности. Относительно невысокий мыс, возвышающийся над поймой реки на 20–25 м, был эскарпирован в пределах максимального приближения к нему протекающей внизу р. Уды. С флангов эскарп переходил во рвы, примыкавшие к нему под углом, близким к прямому. Эскарп был усилен устроенным на его горизонтальной площадке ровиком, увеличивающем перепад высот и предостерегающим данную конструкцию

от эрозийных процессов, связанных с водотоками. По верху эскарпа находился небольшой вал, который, вероятно, имел в качестве бруствера некую деревянную надстройку в виде невысокого (в рост человека) закладного забора или плетня, не сохранившихся до сегодняшнего дня. Предположить наличие такого бруствера поверх вала логично, так как обороняемая внешняя линия городища позволяла контролировать проходившую вдоль эскарпа реку, а сам мыс приобретал характер труднопреодолимого оборонительного рубежа. Таким образом, осуществлявшиеся по р. Уды, расположенной у подножия мыса, передвижения были прекрасно простреливаемы с высоты около 20–25 м.

Пространство между внешней и внутренней линиями обороны на северной экспозиции не имеет культурного слоя и каких-либо остатков хозяйственных либо жилых построек на этом промежутке в ходе археологического изучения выявлено не было[4]. Расположенный у внешнего края внутренней линии обороны производственный металлургический комплекс, по нашему мнению, был, вероятно, устроен во рву данной оборонительной линии после потери военного значения фортификации. Об этом может свидетельствовать профиль конструкции постройки в своей углубленной в материк части. Он характерен для типичного профиля оборонительного рва с характерными уклонами эскарпов и контрэскарпов. В случае военной опасности использование оборонительного рва, являвшегося неотъемлемым комплексным сооружением в системе фортификаций, для производственного помещения являлось бы нонсенсом.

Берма – обязательный элемент между валом и рвом – составляла на исследованном участке около 8 м.

Учитывая уклон эскарпа рва, сохранившегося после устройства в нем металлургического комплекса, и древние принципы устройства полевых фортификаций, запрещавших наличие зон тени обстрела, можно судить о высоте, на которой находился горизонт обстрела на валу. Это обстоятельство позволяет реконструировать архитектурный профиль вала и надвальной конструкции (Илл. 11). Непосредственно земляной вал имел внешний и внутренний панцири, которые определяли его поперечный профиль. Внешний панцирь, сложенный из песчаниковых камней, служил для дополнительного укрепления внешней части насыпи с целью предотвращения ее расползания. В ходе археологических исследований не было выявлено ни единого каменного блока, но, тем не менее, выявлены следы обработки долотом. Камни были сложены на глинистом растворе, носившем следы дополнительного закрепления путем термического воздействия. Внутренний панцирь состоял из помещенной между грунтовой (преимущественно черноземного характера) насыпью и вбитыми в грунт деревянными колышками. Данные колышки являлись элементами опорной конструкции с внешней относительно насыпи стороны. После внешнего обжига, в процессе которого опорная деревянная конструкция сгорела, необходимость в последней отпадала. Обожженная глина приобретала собственную прочность и сама по себе сохраняла приданный ей профиль. Внутренний панцирь одновременно служил и боевой площадкой для размещения на ней защитников вала, перед фронтом которых был устроен брустверь. О характере бруствера можно судить по ширине остатков его котлована, прослеженного в ходе раскопок. Его ширина, судя по нижней части грунтового углубления, составляла около 1,8 м. Высота, скорее всего, оправдывалась ростом защитников и верхний уровень совпадал с линией обстрела. Можно предположить, что к вершине бруствера он имел сужение с внешней стороны, образовывавшее, таким образом, уклон. Только в этом случае можно было предотвратить наличие зоны тени обстрела.

Материал, из которого был построен брустверь, может вызывать споры. Общее заполнение котлована бруствера и нахождение на поверхности отдельных формованных сильно обожженных до крепости кирпича фрагментов [7, с. 11] может говорить в пользу керамического бруствера. Подобные элементы

4) Шурфовка дворища между первой и второй линиями, равно как и между второй и третьей, не проводилась и характер культурных отложений на данных площадях остается не выясненным. Если шурфовка между первой и второй линиями возможна в будущем, то восточное дворище между второй и третьей линиями обороны, почти полностью уничтожено и перепланировано строительством газорапределительной станции и другими работами.

фортификации были прослежены на соседних салтово-маяцких городищах – Чугуевском и Кочеток–I, а также на Верхнесалтовском и Короповы Хутора [15].

Раскопки производственного комплекса. При поперечном разрезе фортификаций заложенной траншеей был выявлен производственный комплекс – фрагменты южной и северной стенок котлована ямы, по северному краю которой фиксировались вертикально размещенные обугленные деревянные столбики строительной конструкции (*Илл.* 8; 12–14). Диаметр столбиков не превышал 0,2 м. Было принято решение расширить траншею с целью более полного исследования выявленной конструкции. В результате была выполнена прирезка в кв. 23–26 в восточном и западном направлениях. Данную постройку удалось исследовать частично. Причиной стали близость действующей и строящихся магистральной линий газопровода и современной большой ямы, заваленной современным строительным и бытовым мусором и поросшей большими деревьями и кустарником.

На вскрытой площади обнаружились мощные деревянные обугленные балки, являвшие собой, скорее всего, кровлю, рухнувшую во время пожара. Они прослеживались в кв. 26/В[1],Б[1], 26/Б,В, 23,24/В, 26/Г, 25/Е,Ж. Обугленные балки имели прямоугольную в поперечном сечении форму со стороной до 0,2–0,25 м. Под рухнувшими перекрытиями наблюдались раздавленные части раннесредневековых амфор (*Илл.* 16: 1, 4, 5), которые имели различный оттенок отдельных своих фрагментов. Это свидетельствовало о различной мощности пирогенного воздействия на них в процессе пожара. Исключительно в юго-восточном углу вскрытой раскопом площади постройки (в кв. 26/В[1]) – в расположенной здесь ямке и в непосредственной близости от нее – фиксировались фрагментированные кости и немногочисленная кухонная керамика (*Илл.* 17: 3). Здесь же был найден фрагмент гончарного светлоглиняного толстостенного сосуда (*Илл.* 17: 1) и меловой кремень аморфной формы.

В кв. 23,24/В[1] находились еще две подпрямоугольных ямы с закругленными углами. Рядом с ними фиксировалась столбовая ямка с остатками вертикально размещенного обугленного столба, относящаяся к конструктиву постройки (*Илл.* 13: 5). В кв. 23/Б[1],В[1] у стенки котлована постройки находились две подквадратные в плане ямки, расположенные на расстоянии ок. 1,0 м друг от друга, а также небольшие подквадратная и подтреугольная в плане ямки в непосредственной близости друг от друга. Все отмеченные ямки имели остатки деревянных обуглившихся столбиков. Общее расположение ямок относительно друг друга и постройки в целом дают возможность предположить наличие здесь дверного проема.

Далее в западном направлении, вдоль северной стенки котлована постройки, на расстоянии ок. 1,2 м друг от друга, фиксировались еще две столбовые ямки с остатками деревянных обуглившихся столбиков в них. Следует отметить наличие прослеженных между стенкой котлована и столбовыми ямками досок толщиной 2–3 см и шириной ок. 20 см (*Илл.* 12; 13: 2, 3). Длина досок, концы которых были заведены друг за друга внахлест, достигавший ок. 10 см, составляла 2,4 м (сохранившаяся на всю длину) и 1,35 м (сохранившаяся частично). Также размещенная между стенкой котлована и столбовой ямкой доска прослеживалась в кв. 26/Д–Ж у южной стенки комплекса (*Илл.* 12). Данная доска шириной ок. 25 см и толщиной 2–3 см также была обуглена, а прилегающая стенка котлована носила следы сильного обжига.

Столбовые ямки конструктива постройки (*Илл.* 12; 14), сравнительно более мощные по глубине и диаметру, также фиксировались в кв. 26/А[1], 26/В, 23/В, 26/Г, 26/Ж. Помимо прочего, небольшая ямка располагалась на грунтовой полочке в кв. 26/3. Одна прямоугольная ямка, которая также, вероятно, может быть отнесена к конструкции постройки, расположена на ее продольной оси в кв. 25/В и, по-видимому, несла на себе функцию поддержания крыши. Следует также отметить, что относительно мощные столбовые ямки вдоль южной стенки котлована имели уклон нижнего конца вне пределов котлована. Таким образом, столбы, размещенные в них, должны были стоять под углом с наклоном во внутреннюю часть постройки.

Все остальные многочисленные ямы на вскрытой площади – как округлые, так и подпрямоугольные – имели, скорее всего, технологическое назначение (*Илл.* 12; 14; 15). Часть из них имела очень сильную – частичную или

полную – прокаленность стенок и дна. Такие ямы сконцентрированы в кв. 24–26/Б[1]–В. В кв. 26/В1–3 фиксировался мощный, достигающий 30–40 см и состоящий из обожженной глины, обугленного дерева, фрагментов битых амфор, черно-металлургических шлаков, золы, фракций древесного угля и пр. Данный слой мощного пожарища уменьшается в северном направлении и фиксируется по всей площади комплекса, исключая кв. 22/Г–З. Наименее слабые следы пирогенных отложений, которые можно связать с последствиями пожара, находятся в кв. 23,24/Г–З.

В выемках пола исследовавшегося комплекса наблюдалась концентрация выливок большого количества черно-металлургических шлаков. В этих местах грунт имеет следы сильного пропекания до оранжевого цвета. Шлаки спекались с подстилающей почвой. Общая масса шлаков, найденных на исследованной площади комплекса, равнялась 36,4 кг. Помимо шлаков встречались фрагменты оплавленного песчаника.

В ямках и возле них фиксировались скопления криц различного качества (*Илл.* 17: 12). На многих из них фиксировались приварившиеся фракции прокаленного грунта. Крицы имели различные размеры – от 9 см до 17 см в окружности. Также они характеризуются относительной уплощенностью. Их высота колеблется в пределах 2–6 см. Масса отдельных криц лежит в пределах 0,24–1,5 кг. Некоторые крицы были расколоты – в основном фиксировались части, равные примерно ¼ или ½ крицы. По всей площади производственной зоны, сконцентрированной вокруг технологических ям, фиксировалось большое количество черно-металлургических выливок и капель.

В кв. 25/Б была найдена изогнутая металлическая пластина (*Илл.* 17: 5). Назначение ее остается неясным. Помимо прочего, в кв. 26/Г находился железный черешковый с упором трехлопастный наконечник стрелы (*Илл.* 17: 4). Общее состояние изделия свидетельствует о пирогенном воздействии на него. В этом же квадрате в заполнении столбовой ямки был найден фрагмент сероглиняного гончарного сосуда с орнаментом в виде горизонтально прочерченных параллельных волнистых линий и пролощенных как горизонтально, так и вертикально прямых линий (*Илл.* 17: 2).

В кв. 25/В и 24/З были найдены раздавленные фрагменты верхних частей красноглиняной и желтоглиняной амфор (*Илл.* 16: 2, 3). Следует также отметить нахождение мелких точильных брусков, имеющих различную форму и как плоские, так и полукруглые рабочие стороны (*Илл.* 17: 7–11).

В кв. 23,24/Д–З была расчищена вытянутая по линии запад-восток технологическая яма, имевшая в западном краю (в кв. 24,25/З) мощную – пропеченную до керамического состояния – линзу, достигавшую в окружности 0,8 м (*Илл.* 15: 1). Прокаливание мощностью 25–30 см достигало материковой глины. От данной линзы с понижением в восточном направлении отходила яма, покрытая выливками шлака по дну со следами прокаливания последнего. Перепад высот данной сливной ямы по зачистке составлял ок. 20 см, длина – ок. 3 м, ширина – 1,3 м в нижней, наиболее углубленной части. Стенки ямы были пологими.

Южнее прокаленной линзы в кв. 25/З фиксировалось скопление криц и их колотых частей. С северной стороны от прокаленной линзы находился фрагмент верхней части амфоры. Здесь же технологическая яма с прокаленной линзой ограничивалась перегородкой, устроенной из останца материковой глины, которая отделяла данный конструктив от полусферической в плане и по дну ямы (*Илл.* 15: 2). Данная яма, расположенная в кв. 22,23/Д–З, была заполнена сложенным песчаником. Камни были явно тщательно отобраны по принципу более высокой концентрации в своем составе окиси железа и имели цвет от насыщенно красного до бурого. Сложенные неправильным конусом камни были покрыты тонким, но плотным слоем материковой глины. В результате воздушные полости между отдельными камнями сохранялись до настоящего времени, не будучи затянутыми грунтом.

В целом вся найденная в комплексе керамика относится к салтово-маяцкой археологической культуре. Фрагменты кухонной посуды имеют примесь шамота и характеризуются плохим неравномерным обжигом, фиксирующимся цветовой гаммой от оранжевого по верху до черного цвета на внутренней поверхности. Амфорная керамика составляет подавляющее количество от найденных в комплексе фрагментов сосудов и характеризуется хорошим равномерным обжигом

по всей толщине стенок. Цветовая гамма амфор – желтая, красная и красно-коричневая. Стенки имеют признаки гофрирования.

В отвалах траншей строившегося газопровода в непосредственной близости от ямы № 1 раскопа № 1 были найдены крица и фрагмент железного инструмента – зубила (*Илл.* 17: 6).

Выводы. Каганово ли Кабаново городище? На сегодняшний день в специальной литературе отражены различные мнения специалистов относительно данного городища – от сомнений относительно его принадлежности к салтово-маяцкой археологической культуре до придания ему особого статуса среди остальных укреплений данного региона [13, с. 173].

Кабаново городище является укрепленным центром сконцентрированных вокруг салтово-маяцких селищ и данные памятники в комплексе образуют одно из 14 известных на сегодня «гнезд поселений» в лесостепной зоне долины Северского Донца [3, с. 30; 16]. Непосредственная близость к славянским памятникам, расположенным на расстоянии визуального контакта, а также общее размещение салтово-маяцких селищ, в том числе и в сторону славянских соседей, глубоко на территорию правобережья Северского Донца от укрепленного центра, может определенным образом характеризовать предназначение возведенных фортификаций Кабанова городища. Анализируя общее взаиморасположение памятников в данном микрорегионе, а именно близость славянских и салтовских поселений, можно сделать вывод, что Кабаново городище было призвано контролировать водную артерию, которой являлась р. Уды, а также брод, от вероятной опасности, исходившей, скорее всего, с левобережья Северского Донца. На сегодняшний день однозначно не доказана одновременность существования славянских и салтовских памятников на данной территории, но и исключать такой близости нет никаких оснований. Если и принять за более вероятный вариант отсутствие на момент существования салтовских памятников одновременных славянских, то кардинальным образом это не меняет военно-стратегическую ситуацию, при которой возникает необходимость создания салтовских крепостей в Верхнем Подонцовье. Тем более, учитывая, что в этом случае – при отсутствии славянских древностей в данном микрорегионе – вообще отсутствует фактор угрозы со стороны западных соседей, в силу чего, при наличии колонизируемых территорий, обозначенных открытыми салтовскими поселениями западнее Северского Донца, нет смысла обозначать границу Хазарского каганата именно по данному водному рубежу. Таким образом, данный вопрос – назначения лесостепных салтовских городищ в Верхнем Подонцовье – нельзя считать однозначно решенным, безоговорочно приняв господствующую на сегодняшний день точку зрения, согласно которой эти городища обозначают границу Хазарского каганата. Как было показано на примере описанного выше производственного комплекса, Кабаново городище функционировало не весь период существования салтово-маяцкой культуры в Лесостепи. Это позволяет предположить аналогичную ситуацию и касательно других салтовских лесостепных городищ, по крайней мере, Верхнего Подонцовья. И период их существования не является финальным для общих временных рамок лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. С изменением военно-политической обстановки – исчезновением явной угрозы – надобность в фортификациях отпадает и поддержанием состояния оборонительных сооружений салтовское население более не занимается, а наоборот – начинает использовать их под потребу насущного дня, о чем наглядно свидетельствуют результаты исследований на Кабановом городище. Салтовское население после прекращения поддержания оборонительных сооружений продолжает хозяйственную деятельность, в частности – производство железа. Вероятно, гибель производственного комплекса связана с погромом, о чем могут свидетельствовать не столько следы пожарища и наличие боевого наконечника стрелы, сколько брошенные крицы и заготовленное сырье на месте пожарища. Но это произошло тогда, когда, по всей видимости, крепость на месте Кабанова городища уже не поддерживалась, а погром был внезапным. Возможно, ресурсов и времени на возобновление укреплений у салтовцев к данному моменту уже не было.

С другой стороны, на сегодняшний день нельзя однозначно ответить на вопрос – какие же конкретные события вызвали необ-

ходимость сооружения десятков крепостей? Отчасти, автор пытался ответить на эти вопросы в предыдущих публикациях [17–19] – такими обстоятельствами могли стать как внешняя экспансия при слабости контроля центральной властью государства его северных окраин (у нас нет свидетельств бесспорного твердого контроля этих территорий центральной властью) и необходимости организации местным населением самообороны своих земель, так и внутренние, гражданские конфликты в Хазарском каганате. Очень сомнительными представляются утверждения, что центральное правительство было способно организовать оборону своих обширных северо-западных границ наподобие римских лимесов (где четко документированные свидетельства такой жесткой, мощной организации центральной власти в рассматриваемом регионе?). К тому же, крепости, построенные на правых берегах рек – со стороны вероятного западного противника лишаются основного фактора защиты – природных рубежей (господствующей высоты относительно окружающей местности и водного рубежа). История не знает случаев подобной масштабно выполненной нецелесообразной траты ресурсов при минимальном результате по укреплению рубежей в итоге. В случае, когда невозможно использовать естественные рубежи в виде рек с контролем переправ, выстраиваются иные, в частности, сплошные линии обороны, с другой планировкой опорных крепостей, примером чему могут служить Змиевы валы, Украинская и Царицынская линии, а также многие другие, принадлежащие к различным историческим периодам [20–22].

Целесообразность именно такой организации обороны, какую мы наблюдаем на салтовских лесостепных памятниках, подтверждена как более ранними, так и более поздними примерами контроля данной территории на пограничье Степи и Лесостепи – в скифское время и в позднем средневековье. Именно поэтому в целом ряде случаев мы наблюдаем расположение крепостей в разные исторические периоды на одном и том же месте, с контролем одних и тех же переправ и путей в целом. А это еще раз заставляет задуматься над направленностью и назначением созданных в салтовское время укреплений.

Литература

1. Книга Большому Чертежу. – Москва; Ленинград, 1950. – 228 с.

2. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа / И. И. Ляпушкин // МИА. – М.–Л., 1961. – №104. – 382 с.

3. Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение / А. З. Винников, С. А. Плетнева – Воронеж, 1998. – 215 с.

4. Плетнева С. А. Отчет к открытому листу № 8 Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1957 г. / НА ИА НАН Украины – 1957/17 – 1957. – 20 с., 24 рис.

5. Плетнева С.А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) / С. А. Плетнева // МИА. – Москва, 1967. – №142. – 197 с.

6. Шрамко Б. А. Отчет о работе скифо-славянской экспедиции Харьковского государственного университета в 1959 г. / НА ИА НАН Украины. – 1959/29 – 1959. – 44 с.

7. Свистун Г. Е. Отчет об археологических разведках в лесостепной зоне долины Северского Донца в 2004 году / НА НИАЛ ХНПУ им. Г. С. Сковороды – 2005. – 55 с.

8. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). Труды Оскольской экспедиции / Г. Е. Афанасьев – Москва, 1987. – 200 с.

9. Афанасьев Г. Е. Донские аланы: социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна среднего Дона / Г. Е. Афанасьев – Москва, 1993. – 164 с.

10. Мясоедов П. М. 540 лет на службе Отечеству / П. М. Мясоедов – Москва, 2006. – 427 с.

11. Свистун Г. Е. Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции в 2007 году на Кабановом городище / НА ХММ И. Е. Репина – 2008. – 106 с.

12. Свистун Г. Е. Фортификации Кабанова городища / Г. Е. Свистун // Харьковский археологический сборник. – Вып.3. – Харьков, 2008. – С. 3–16.

13. Свистун Г. Е. Каганово ли Кабаново городище? / Г. Е. Свистун // Проблеми дослідження пам'яток Східної України: Матеріали II-ї Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої 85-річчю Луганського краєзнавчого музею. – Киев, 2005. – С. 173, 174.

14. Свистун Г. Е. Фортификация городища Верхний Салтов / Г. Е. Свистун // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т.7. – С. 459–478.

15. Свистун Г. Е. К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца / Г. Е. Свистун // Харьковский археологический сборник. – Вып. 2. – Харьков, 2007. – С. 40–58.

16. Свистун Г. Е. Чугуевское «гнездо поселений» салтово-маяцкой культуры / Г. Е. Свистун // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (13–16 ноября 2006 года). – Липецк, 2006. – С. 281–285.

17. Свистун Г. Є. Трансформація поглядів на соціальну та стратегічну роль лісостепових городищ салтово-маяцької культури / Г. Є. Свистун // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Збірка наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «П'ятнадцяті Слобожанські читання». – Харків, 2011. – С. 62–74, 134, 135.

18. Свистун Г. Є., Горбаненко С. А. Споживчі аспекти соціально-економічних відносин на прикладі Чугуївського городища салтівського часу / Г. Є. Свистун, С. А. Горбаненко // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Збірка наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «П'ятнадцяті Слобожанські читання». – Харків, 2011. – С. 75–86, 136–143.

19. Свистун Г. Е. К вопросу о военно-стратегическом назначении салтовских городищ в лесостепной зоне Северскодонецкого микрорегиона // Хазарский альманах. – Т.10. – К.–Харьков, 2012. – С. 146–158.

20. Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья / М. П. Кучера – Киев: Наукова думка, 1987. – 204 с.

21. Заїка Г. П. Українська лінія / Г. П. Заїка, відп. ред.., авт.. післяслова О. Б. Супруненко – К.–Полтава: Археологія, 2001. – 88 с.

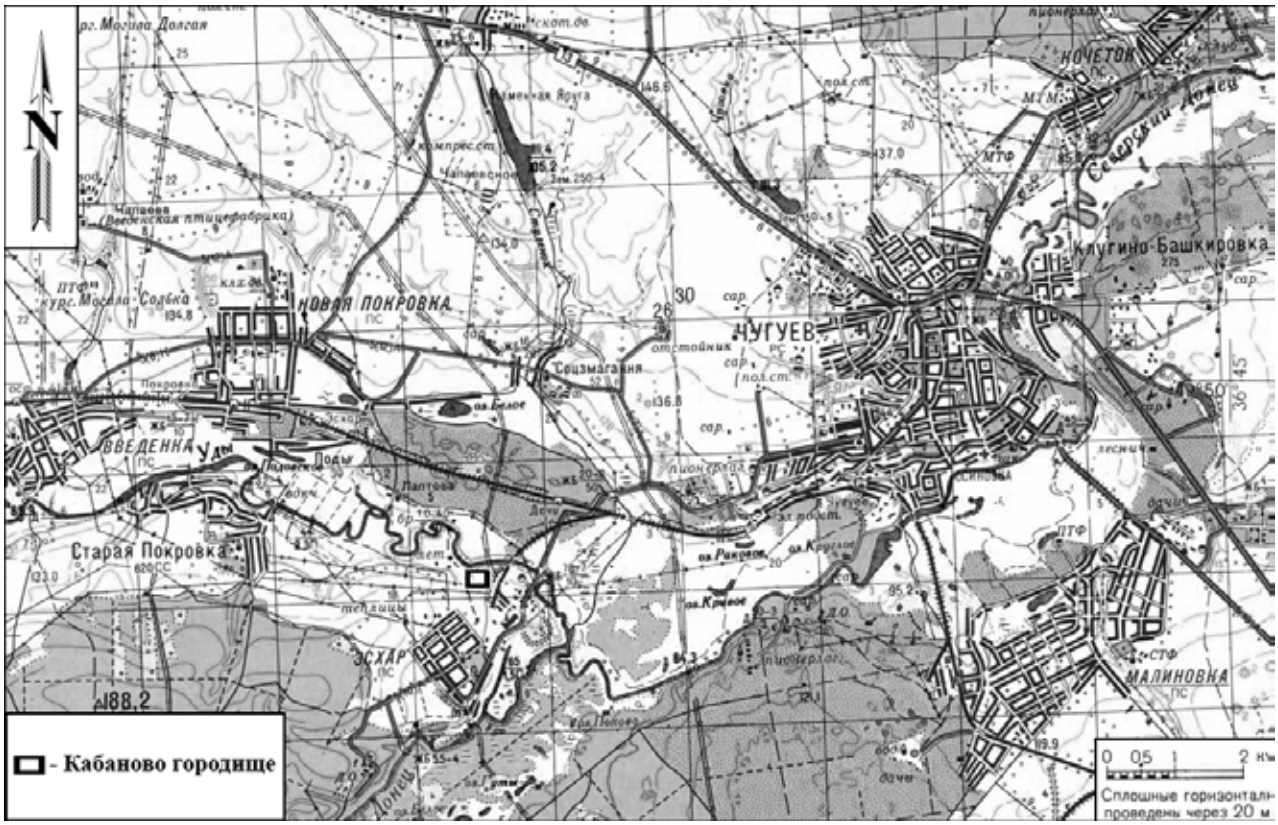
22. Царицынская линия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах. – Т.82 и Доп. 4. – СПб., 1890–1907 (1904 и 1907). – 449 с. и 578 с.

К статье Г. Е. Свистуна
«Кабаново (Старопокровское) городище»

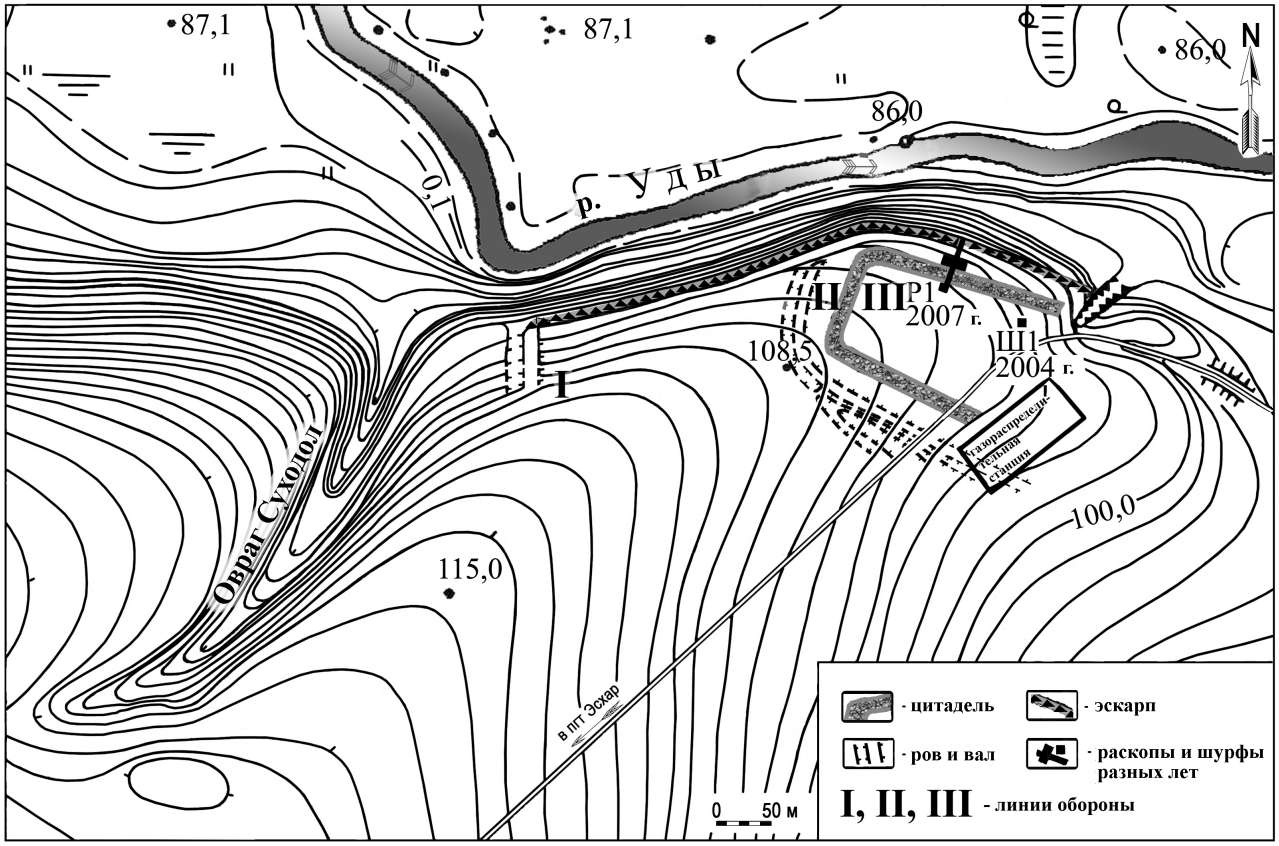
Илл. 1. Вид на Кабаново городище со стороны поймы р. Уды

Илл. 2. Вид на пойму р. Уды с Кабанова городища

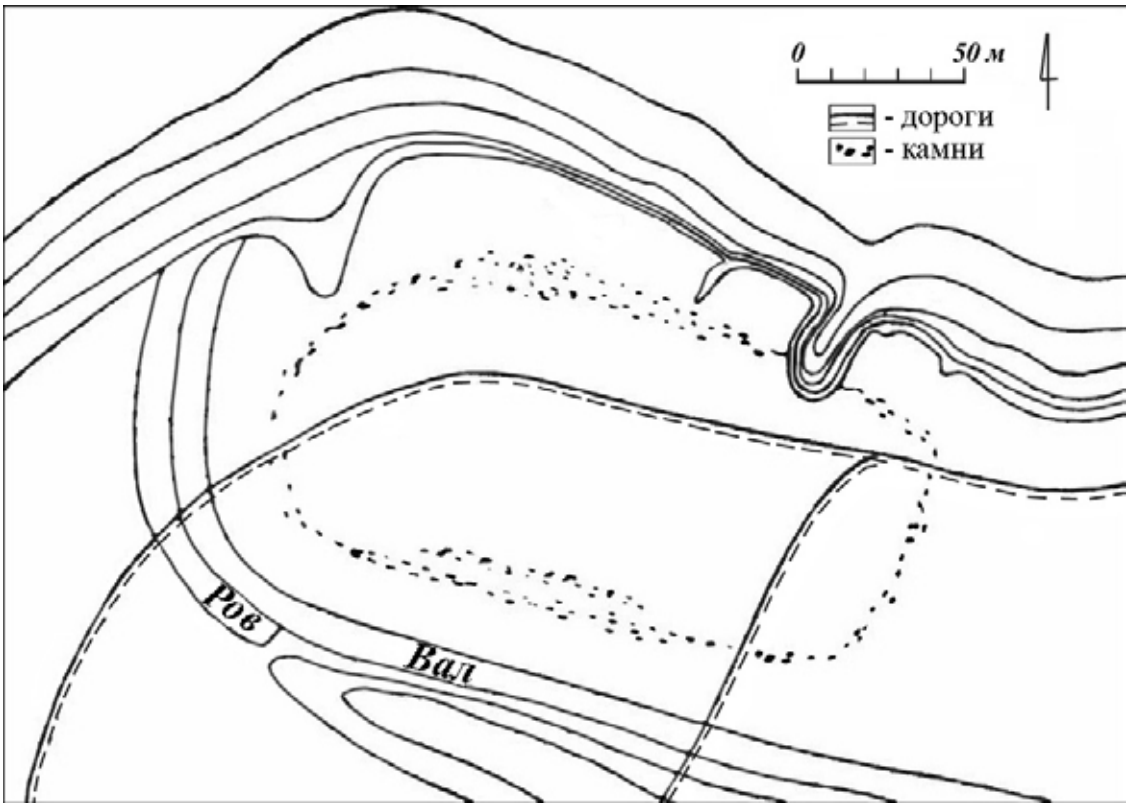
Илл. 3. Эскарп первой линии обороны Кабанова городища



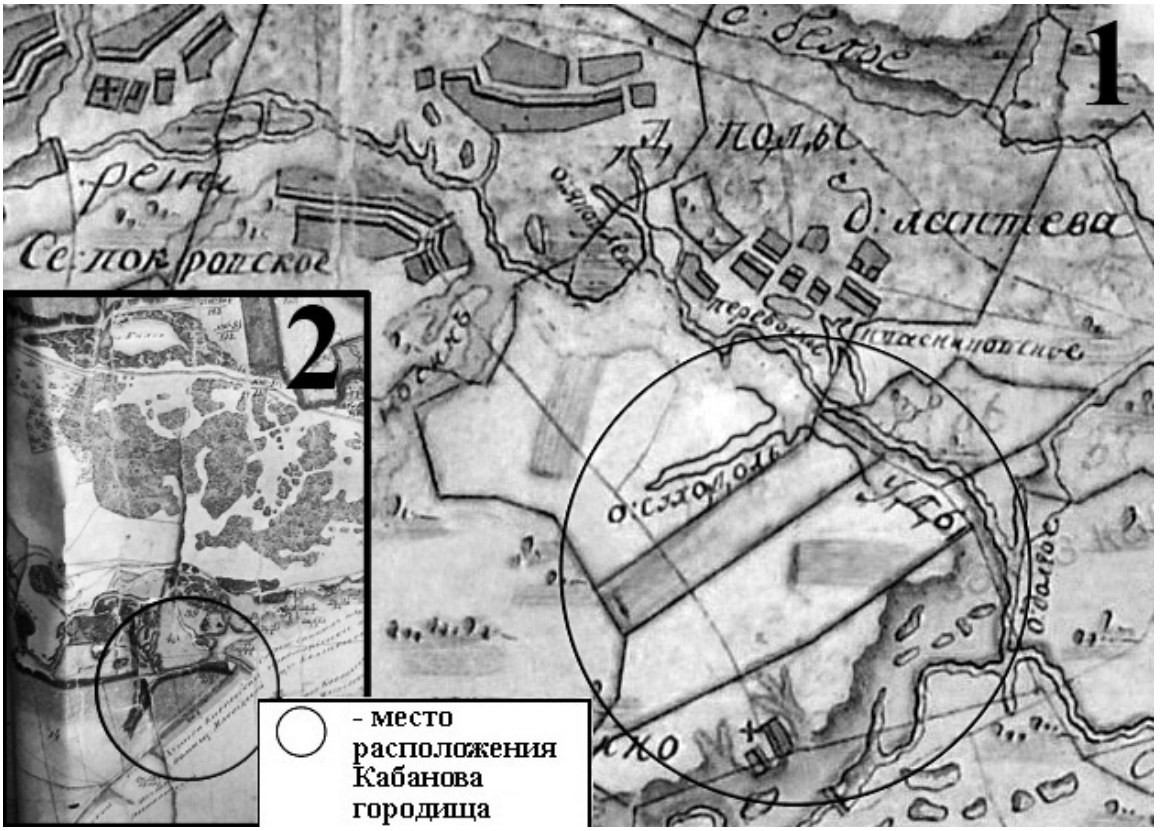
Илл. 4. Месторасположение Кабанова городища



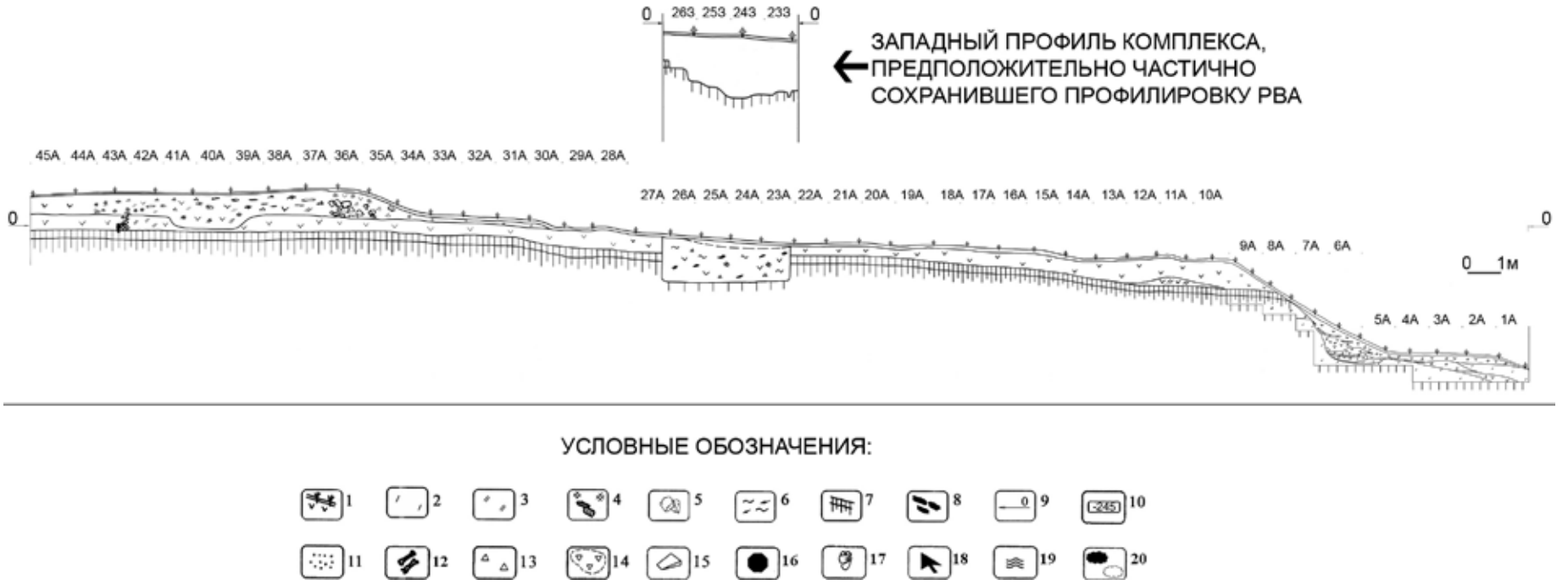
Илл. 5. План Кабанова городища



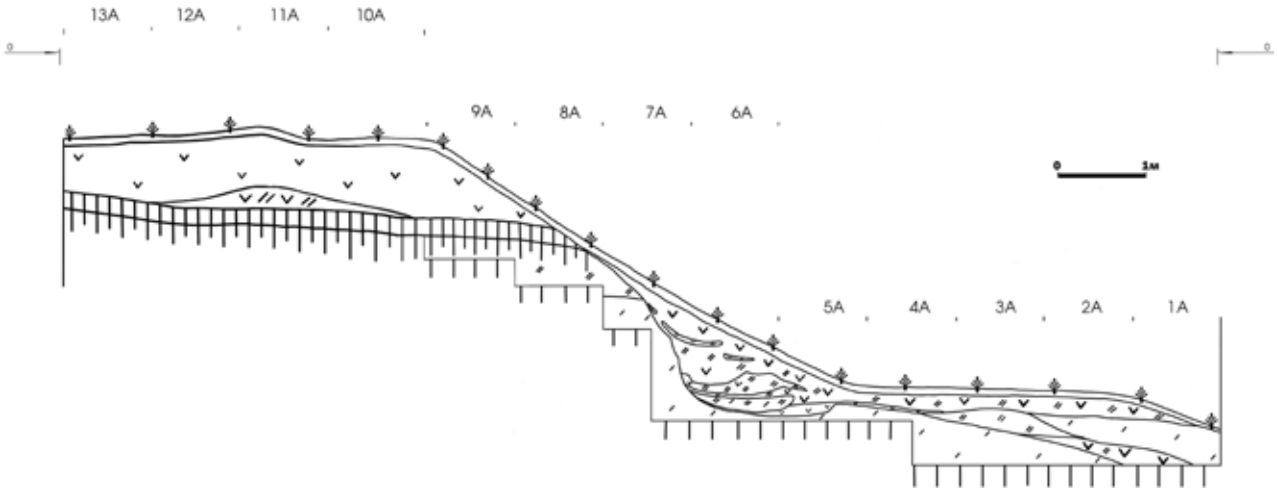
Илл. 6. План Кабанова городища по С. А. Плетневой



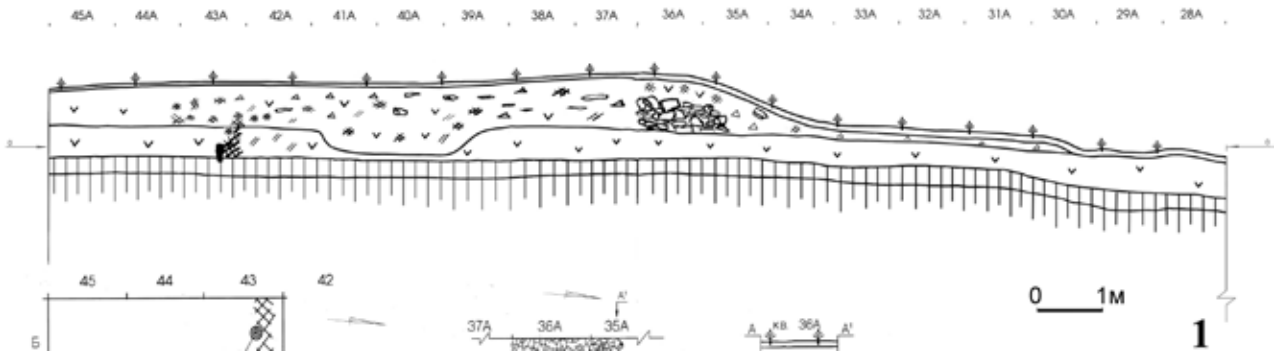
Илл. 7. Месторасположение Кабанова городища на старинных планах (без масштаба): 1) план генерального межевания Чугуевского уезда 1784 г.; 2) топографический план 1-й и 3-й волости 6-го кавалерийского округа Украинского военного поселения 1843 г.



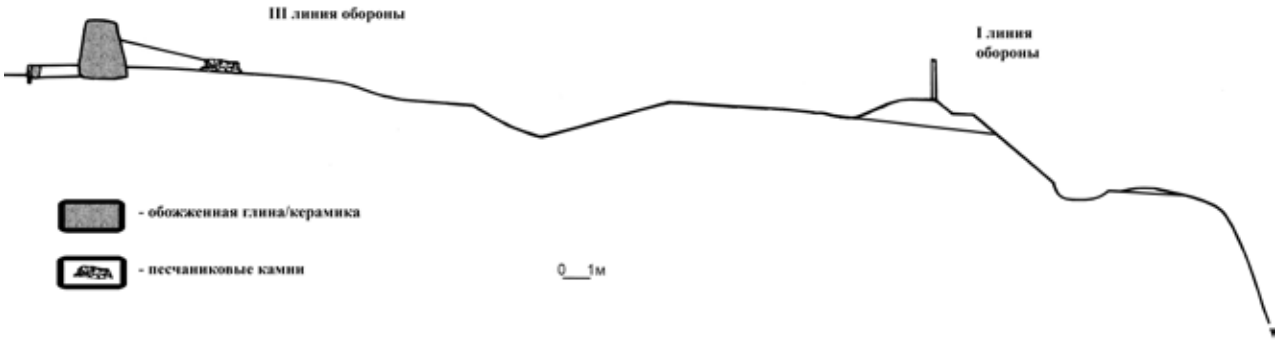
Илл. 8. Стратиграфический профиль северной линии обороны Кабанова городища. Условные обозначения: 1) дерн и чернозем; 2) белый материковый суглинок; 3) коричневая глина; 4) обожженные глина и куски обмазки; 5) песчаник; 6) зола и фракции древесного угля; 7) предматерик и материк; 8) остатки дерева; 9) единый нивелировочный уровень; 10) показатель верхнего края материка; 11) песок; 12) кости; 13) щебень; 14) скопление фрагментов керамической посуды; 15) точильный брусок; 16) кремень; 17) неполный развал амфоры; 18) наконечник стрелы; 19) неопределенная металлическая пластина; 20) крица и черно-металлургический шлак



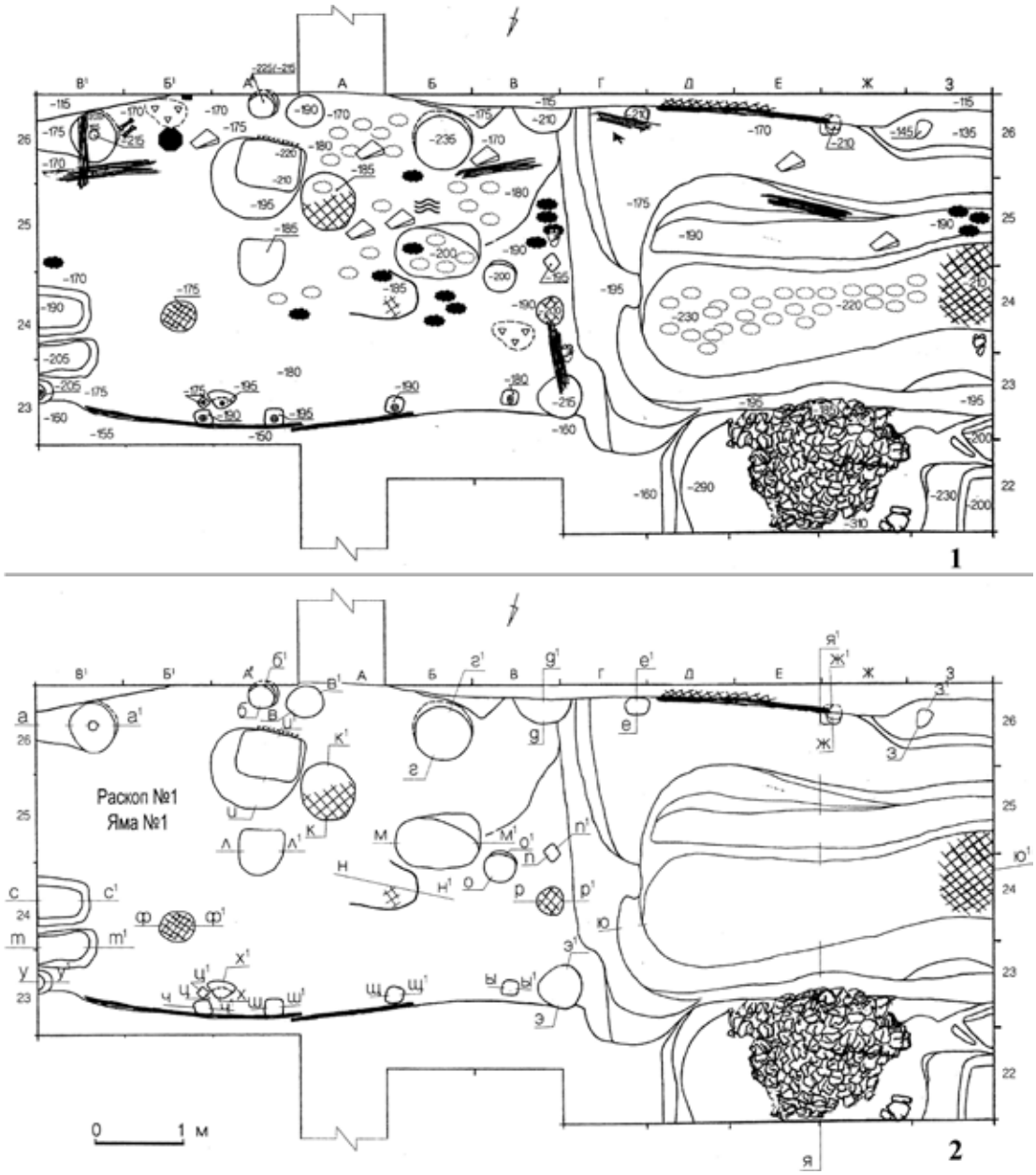
Илл. 9. Стратиграфический профиль эскарпа первой линии обороны Кабанова городища



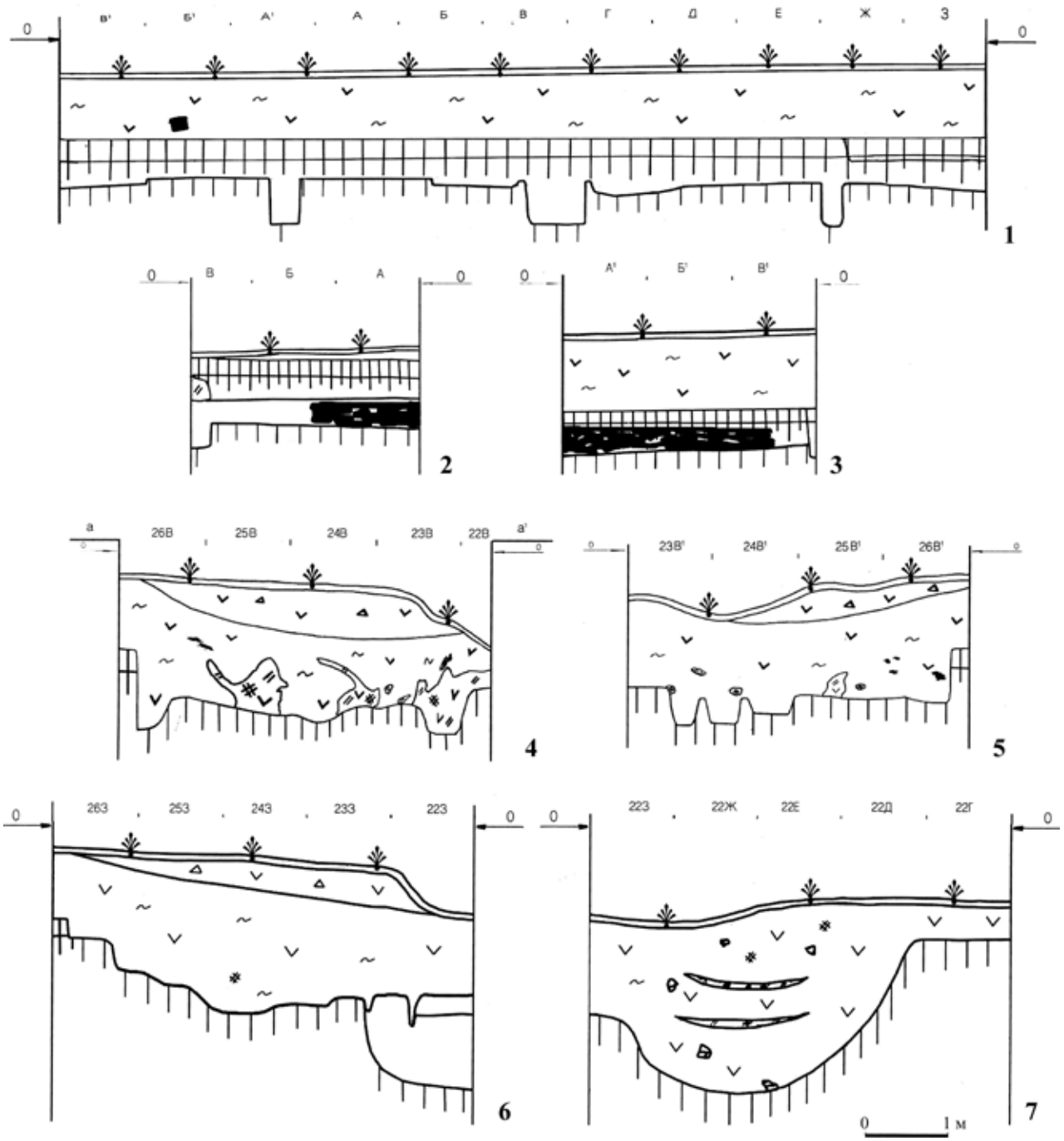
Илл. 10. Стратиграфический профиль третьей линии обороны Кабанова городища



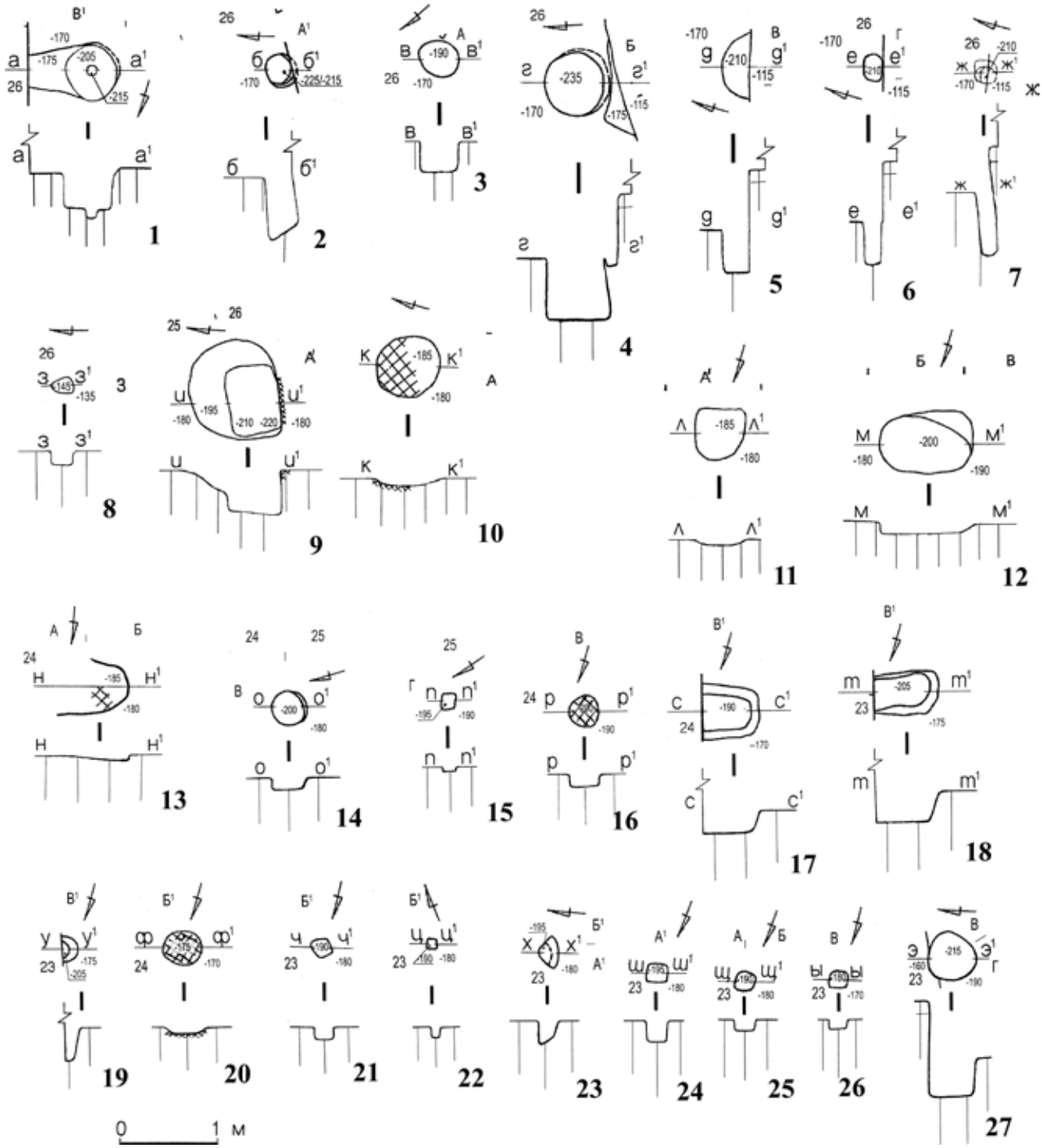
Илл. 11. Вариант реконструкции оборонительных сооружений на северной экспозиции Кабанова городища



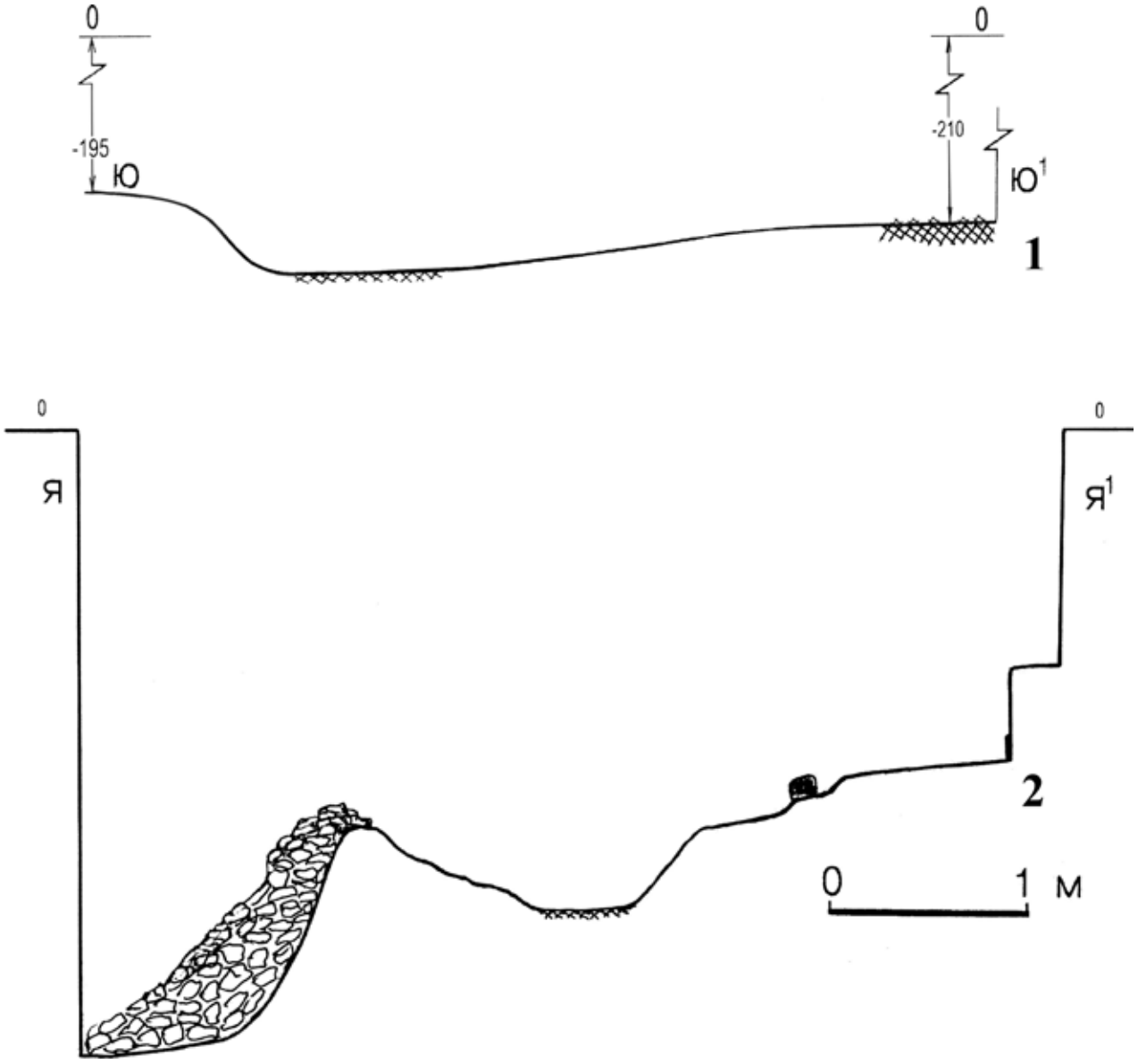
Илл. 12. Планиграфия производственного комплекса на Кабановом городище: 1) с находками; 2) без находок



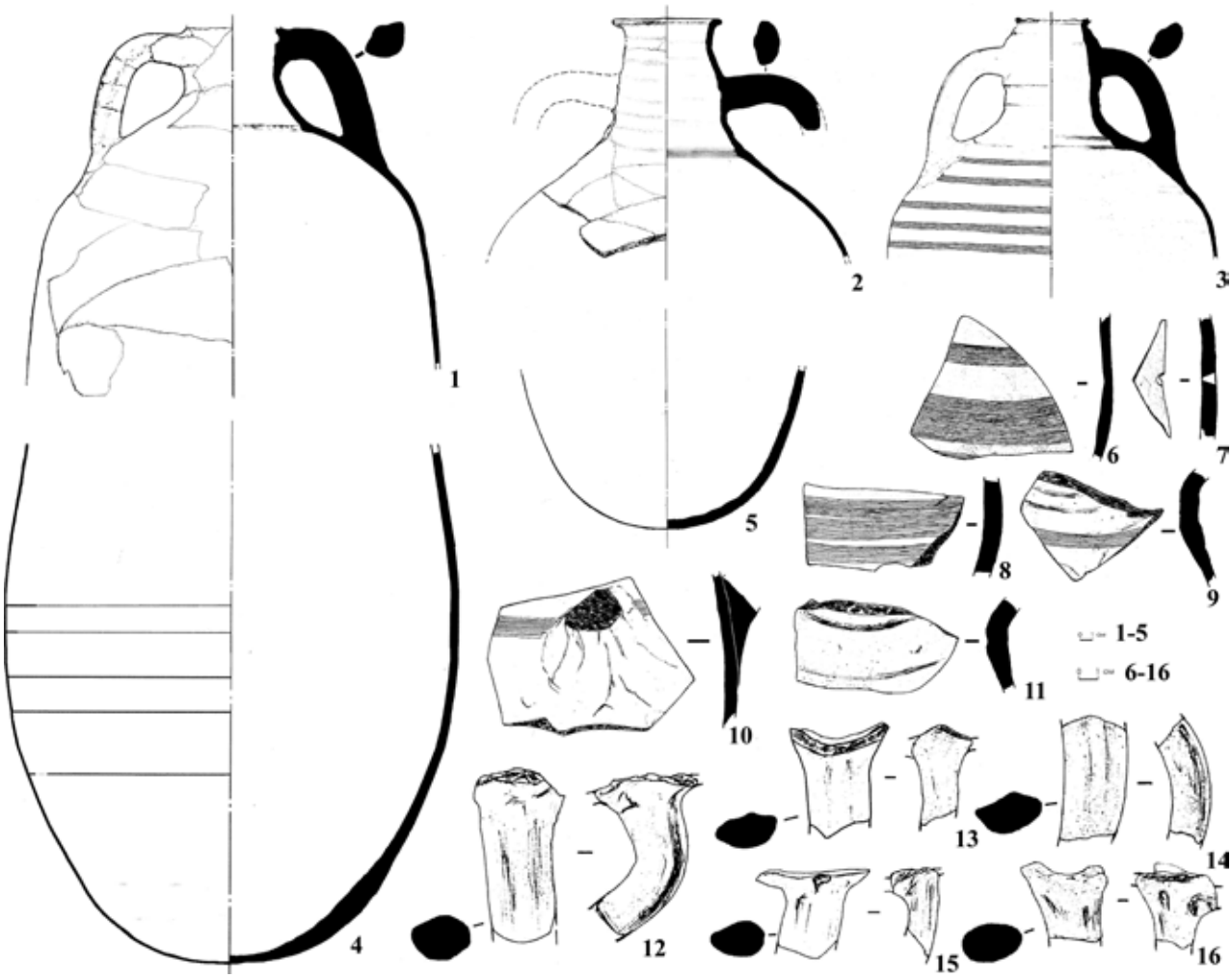
Илл. 13. Стратиграфические профили производственного комплекса на Кабановом городище



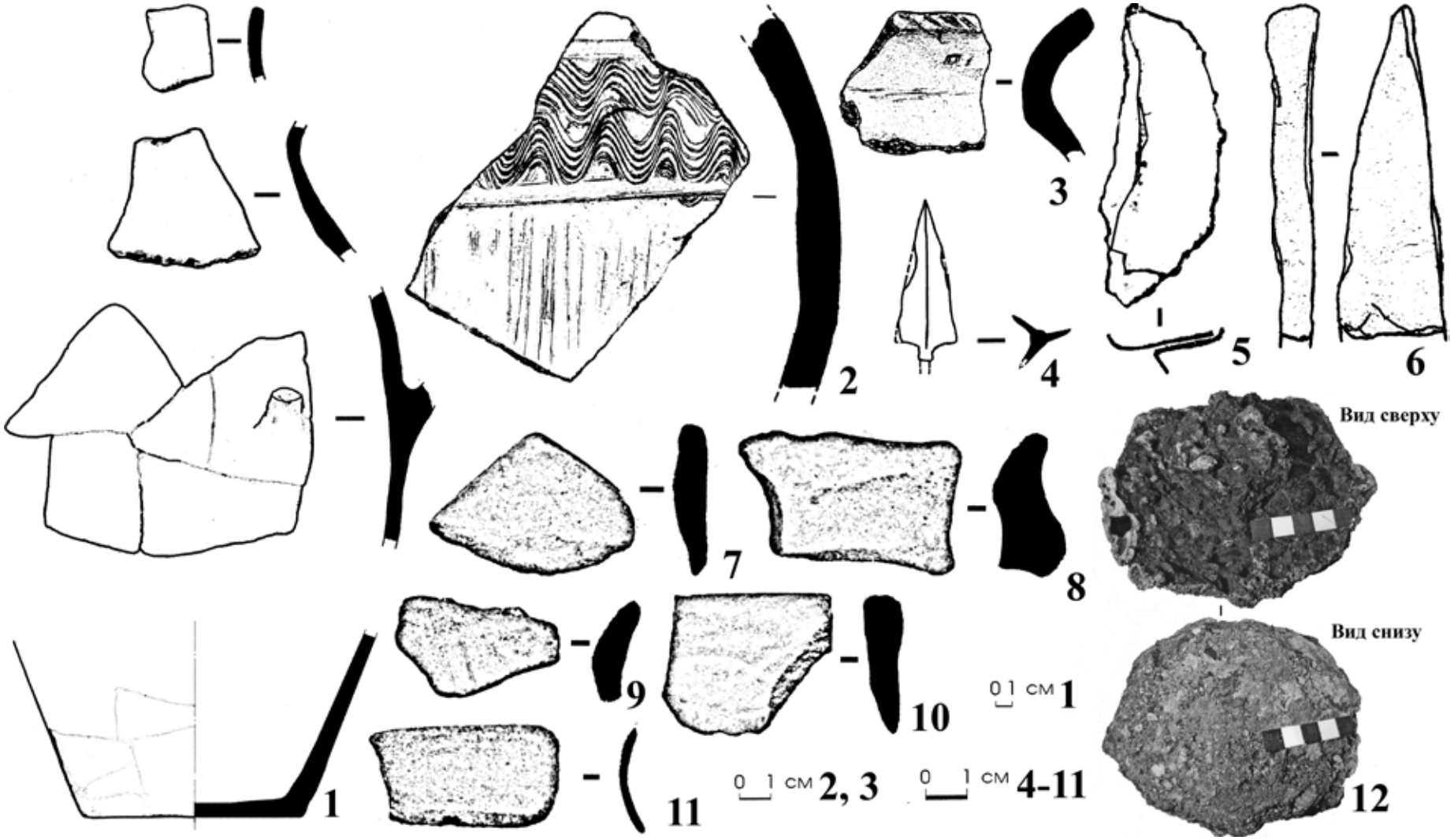
Илл. 14. Планиграфия и стратиграфия ям конструктива постройки и технологического назначения



Илл. 15. Профили технологических ям производственного комплекса



Илл. 16. Салтовская керамическая посуда Кабанова городища



Илл. 17. Салтовская керамическая посуда, металлические изделия и точильные бруски из производственного комплекса на Кабановом городище